

Василий Аксенов, повести и рассказы которого хорошо знакомы нашим читателям, касается в этой беседе сложных вопросов. Индивидуальность и индивидуализм. Личность художника. Писатель и его герой. Эти вопросы особенно волнуют нас сегодня, на новом этапе развития советского общества.

Разумеется, каждый литератор по-своему относится к сложным процессам творчества. Однако для В. Аксенова, как и для каждого советского художника, незыблемой основой творчества являются ленинские принципы: писатель не может изолировать себя от общества; искусство должно служить людям.

Надеемся, что читатели «Московского комсомольца», которые интересуются проблемами литературы и искусства, с интересом прочтут беседу В. Аксенова.

ОСЗНАНИЕ своей неповторимости, единственности — одно из непременных условий развития личности. Человек — двудин. Подчеркивая, что он существо общественное, нельзя забывать, что он существо своеобразное, единственное.

Связи каждого человека с миром сложны, духовное устройство его уникально. Все это как будто общезвестно, но некоторые истины от повторения только выигрывают.

В некоторых людях индивидуальность задавлена, не развита, не находит выхода. Но и среди этих людей нет двух одинаковых. О них мы еще поговорим.

Оптимальный вариант — подлинная индивидуальность. Это личность, впервых, с творческим отношением к жизни, во-вторых, признающая за всеми другими право на индивидуальность, на собственное «я».

И, наконец, третья: индивидуалисты, или, если разче сказать, это эгоцентристы. Личностью они считают только самих себя. Прочие — толпа. Они избранныки, супермены, боги. Разновидность эта дает самые неожиданные ответвления, не всегда сразу узнаваема и очевидна.

Художник обладает обостренным чувством индивидуальности. Ведь все сферы человеческой деятельности, в том

числе некоторые виды творчества, сейчас все более становятся сферой приложения коллективных сил. Объединяются ученые, изобретатели. Открытия почти везде — плод коллективного труда. Искусство же и литература — ручная работа. Индивидуальная или кустарная. Если учитывать, что, скажем, в театре творит одновременно целый ан-

тырзий советской перешагнет, если представляется случай, через других, поверит в свое превосходство, в свое право господствовать, порабощать. В истории есть незаживший пример — Гитлер.

Фашизм как крайнее выражение бездуховного индивидуализма противен человеческой природе. Что бы ни предлагали человеку взамен отобранного у

сила я. — Интересуют ли они вас теперь?

— Они интересуют меня, хотя иначе, чем прежде. И они, и я изменились, так что это естественно.

Раньше они только самоутверждались, это были поиски, часто вызывающие раздражение, непонимание — ложиски самого себя. А дальше пути героеv

чимо. Меняться могут только масштабы: если ему на какое-то время повезет, он подомнет под себя, ну, скажем, завод, или научный коллектив; сорвется — станет тираном семьи, коммунальной квартиры. Это страшные индивидуумы. Я вернулся к ним в пьесе «Всегда в продаже», где Кисточкин, главный персонаж, получился, как мне кажется, ме-

— Правдивы ли рассказы, где такая личность сначала дается во всей своей неприглядности, а затем автор говорит: но в душе он совсем другой — тонкий, чистый, благородный...

— Конечно, правдивы. В душе, пусть в самой глубине, все это действительно есть. Иначе быть не может. Иначе зачем человек? Нет оправдания ему. И зачем тогда произведение искусства, если оно рассматривает человека только лишь как нечто низменное, не способное к высоким порывам?

— Не любого человека, мы говорим об определенной категории...

— Только законченный индивидуалист неизлечим. Да и то — кто знает...

— Но когда, действуя пусть из самых благородных намерений, автор исходит не из того, что есть, а из того, что, по его мнению, должно быть, наделяет героя своими мыслями, одалживает ему свои чувства, сознательно очищает и возвышает героя, не страдает ли при этом верность жизни?

— Не знаю. Но я на том стою. Случайный прототип моего рассказа «Папа, сложи!» на самом деле был грубее, пьянее, наконец. Но рядом с ним шла чистенькая, аккуратненькая девочка, его дочь. Фантазия дорисовала остальное.

Могу сказать, что и тема Олег — Кисточкин, и тема моего повзрослевшего героя, будут занимать меня во всяком случае в ближайшее время.

— Вы обещали поговорить и о третьей грани: о людях с подавленной, неразвитой, неосознанной индивидуальностью.

— Вообще творческий процесс еще недостаточно изучен, здесь уж слово психологу, а не писателю. Я хотел бы лишь подчеркнуть одно: оберегая свою индивидуальность, художник на впадает в грех индивидуализма. Все, что он добудет в этом поиске, обязательно пригодится обществу. Если это художник честный, если он не античеловек, призывающий к убийствам и войне, — он, непременно сослужит добрую службу людям. Надо верить в это!

Беседу вела
Г. УЖОВА.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

РАЗГОВОР ВЕДЕТ ПИСАТЕЛЬ В. АКСЕНОВ

самбль, а в кинематографе вообще сталкиваешься с индустрией. И все же на каком-то этапе все решает личность, оставшаяся наедине с собой, стремящаяся максимально выразить себя.

Художнику свойственно жгучее желание быть понятым. Стремление, чтобы кто-то понял тебя так полно и в мельчайших оттенках, как понимаешь это ты сам, когда пишешь. Но ведь абсолютное понимание невозможно, возможна лишь какая-то степень понимания. Художник мечтает, чтобы она была наивысшей. Потому что, как ни дороги ему самые моменты творчества, он не может не думать о продукте труда.

— Вы сказали, что художник — существо с обостренным чувством индивидуальности. Значит ли это, что ему легче впасть в индивидуализм?

— Ни в коем случае. Вообще индивидуальность и индивидуализм я понимаю не как области, лежащие в опасном соседстве, а как полярные территории. Подлинная индивидуальность не только непременно уважает неповторимость чужой личности, но и не может дышать в атмосфере, где личность попирается. А существо бездуховное, нетворческое, банальное, не привыкшее мыслить самостоятельно, — безындивидуальное, — вот кто без колебаний, сомнений и уг-

рода на индивидуальность (а у фашизма были свои пропагандистские средства, свои послы, и они действовали) рано или поздно человек взбунтуется. Творец, художник чувствует это остро и выражает — в меру своего таланта.

Люди мечтают о временах, когда общество будет представлять из себя созвездие индивидуальностей, объединенных общей целью. Конфликт между личным и общественным навсегда уйдет в прошлое, общественный долг, естественные душевные движения будут всегда и в точности совпадать, ничего, что было бы во зло людям, не останется в человеческой природе. Разве не к этому мы все стремимся? И искусство должно будить в людях все лучшее, в том числе и чувство неповторимости своего бытия, стремление прожить жизнь — единственную, драгоценную — с максимальной отдачей, творчески.

[Оговорюсь: когда мы перешли от общих высказываний к неизбежному «А, например!», мы часто обращались к настоящий человеческий характер, учится уважению, бережности к людям, серьезному отношению к своим способностям, к жизни вообще. Назад он уже не сможет повернуть.

А Олег? Считаю, что и ему нет пути назад. Презрение к людям неизле-

расходится. Дальше предстоит решать: во имя чего самоутверждаться? И тут индивидуальность идет своей дорогой — она ведет к людям: только уважая в другом личность, ты вправе считать и себя таковым. А индивидуализм идет к суперменству, безжалостному и подлому. Я уже писал об этом.

— Вы имеете в виду повесть «Пора, мой друг, пора!», Марвича с одной стороны, и Олега — с другой?

— Да. Эту вещь я не считаю своей большой удачей, но о перекрестье, откуда дороги так далеко расходятся, обязательно хотелось сказать. Марвич и Олег проиллюстрировали эту авторскую мысль, но четкая заданность чувствуется, решение вышло несколько ловбым.

— Что станет с ними дальше?

— Перестройка, которая произошла в их душе, — необратимый процесс. Марвич, переболев «детскими болезнями», какие находили героев моих предыдущих повестей, вырабатывается в настоящий человеческий характер, учится уважению, бережности к людям, серьезному отношению к своим способностям, к жизни вообще. Назад он уже не сможет повернуть.

А Олег? Считаю, что и ему нет пути назад. Презрение к людям неизле-

Московский комсомолец, 1966, 10 декабря